

ИСТОРИЯ

УДК 341.211(470+571)(09)

А.И. Бакшеев

ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ (1920–1929 гг.)

A.I. Baksheev

CHANGES IN EDUCATION SYSTEM IN SIBERIA (1920–1929)

Никакая демократизация и никакие экономические преобразования не приведут нашу страну к успеху без прогресса, в том числе в области образования. Поэтому не вызывает сомнений, что сегодняшняя образовательная и воспитательная политика должна, прежде всего, повернуться лицом к человеку, привести к духовному обогащению молодых людей. В связи с этим особый практический смысл приобретают проблемы научного анализа и обобщения исторического опыта образовательного строительства в России и ее регионах советского периода. Для нас является поучительным не только положительный опыт, но и негативные уроки прошлого. В этом и состоит, на наш взгляд, основная концепция представленного исследования, которое освещает особенности развития и модернизации системы образования в период НЭПа на территории Сибири, являющейся тогда социально-политической и экономической окраиной России. Также показывается специфика российской системы образования того времени. Отмечается, что новая революционная власть старалась постоянно реформировать систему образования и воспитания в стране, подгоняя ее под свои идеологические воззрения и теоретические выкладки. Исходя из принципа объективности, анализируются как плюсы, так и минусы такого подхода к обучению молодого поколения. Исследуя местные процессы в культурно-образовательной области общественной жизни Сибири 1920-х гг., особенности развития и модернизации системы образования в Сибири в период НЭПа, автор стремился одновременно показать историю развития образования всей страны и выявить специфику реформирования образовательных учреждений различных уровней. Несомненно, Советская власть внесла значительный, как положительный, так и отрицательный, вклад в систему обучения подрастающего поколения России. Поэтому анализ

этого опыта будет полезен и для сегодняшнего развития нашей страны.

Ключевые слова: новая экономическая политика, система образования, модернизация, советизация, образовательные учреждения, Сибирский регион, местная власть, РКП(б), институты, университеты, В.И. Ленин, Народный комиссариат просвещения.

No democratization and economic transformations will lead our country to the success without progress, including the field of education. Therefore there is no doubt that today's educational and upbringing policy has to turn, first of all, to face the person, lead to spiritual enrichment of young people. In this regard special practical sense is got by the problems of scientific analysis and synthesis of historical experience of educational construction in Russia and its regions of Soviet period. For us not only positive experience is instructive, but also negative lessons of the past. In it, in our opinion, the main concept of presented research which lights the features of the development and modernization of education system in the period of New Economic Policy on the territory of Siberia which then has been socio-political and economic suburb of Russia. Also the specifics of Russian education system of that time are shown. It is noted that new revolutionary power tried to reform constantly education system and education in the country, adjusting it to ideological views and theoretical calculations. Proceeding from the principle of objectivity, both pluses, and minuses of such approach to training of the younger generation are analyzed. . Investigating local processes in cultural and educational area of public life of Siberia of the 1920-ies, the features of the development and modernization of education system in Siberia in the period of New Economic Policy, at the same time the history of the development of education of all country and to reveal specifics of reforming of educational institutions of various levels were sought to be shown. Undoubtedly, the Soviet power brought considerable, both positive, and negative, contribution to the system of training of younger generation of Russia. Therefore the analysis of this experience will be useful and to today's development of our country.

Keywords: *New Economic Policy, educational system, modernization, Sovietization, educational institutions, Siberian region, local government, RCP(b), institutes, universities, V.I. Lenin, People's Commissariat of Education.*

В течение всего периода новой экономической политики (НЭПа) в образовательной и воспитательной сфере постоянно вводились экспе-

риментальные формы и принципы функционирования системы образования. Происходили формационные изменения, т. е. происходила ликвидация политико-экономических институтов предыдущих властных структур царской России и, наряду с этим, становление экономических и организационно-политических основ новой Советской власти. Причем победившая власть изначально присвоила себе функцию, которую можно определить, как непосредственное руководство культурным строительством, обучением и воспитанием граждан своей страны, и настойчиво и последовательно проводило ее в жизнь [1, с. 107]. Следовательно, исходя из этой точки зрения, необходимость модернизации образования, культуры и духовной жизни вообще в России была очевидной. Модернизация общественно-политических отношений, в том числе и в образовательно-культурной области, означала реализацию ключевых идейно-политических принципов и программных положений правящей РКП(б).

Таким образом, под непосредственным руководством вождя большевиков В.И. Ленина в нашей стране уже в первые годы Советской власти создается ряд научно-исследовательских институтов и лабораторий, опытных станций и других научных учреждений. Только за два года, в 1918–1919 гг., в стране было создано 33 крупных по тому времени института. К 1923 г. число научно-исследовательских институтов достигло 55, а в 1927 г. их было уже свыше 90. Наряду с привлечением ученых к восстановлению и развитию народного хозяйства встал вопрос о создании новых кадров специалистов. Были разработаны мероприятия по реорганизации всей системы высшего образования.

В.И. Ленин 2 августа 1918 г. подписал декрет, предоставляющий всем трудящимся право поступления в любое высшее учебное заведение независимо от предварительного образовательного ценза. Надо отдать должное, Владимир Ильич неоднократно обращал внимание на то, чтобы вся подготовка специалистов была тесно связана с запросами производства, с потребностями народного хозяйства Советской республики. В.И. Ленин проявлял исключительную заботу об учебных планах и программах, об обеспечении студентов и учащихся учебниками и учебными пособиями.

Большое внимание В.И. Ленин уделял созданию новых вузов. При его непосредственном участии в течение только первых двух лет Советской власти, несмотря на тяготы гражданской войны и военной интервенции, были образованы десятки новых учебных заведений. Они создавались, прежде всего, в крупных промышленных центрах России и союзных республиках. Были созданы Уральский, Азербайджанский, Белорусский, Нижегородский, Воронежский, Ереванский, Среднеазиатский университеты и другие вузы. Эти университеты стали кузницей кадров и преподавателей для вновь открываемых вузов. К 1926/27 учебному году

в нашей стране имелось 148 вузов, контингент студентов в которых составлял 168 тысяч человек. В последующие два года эти цифры практически не менялись. Так, в 1928/29 учебном году вузов было 152, а студентов в них – 176 тысяч. На преподавательской работе в эти годы было занято более 18 000 человек. Число высших технических учебных заведений к этому времени достигло 60 с контингентом учащихся в 73,7 тысячи [2, с. 66].

Понятие «советская система образования» появилось уже в начале 1920-х гг., хотя процесс ее формирования только начинался и был довольно далеким от своего организационно-концептуального завершения.

В формировании советской системы общего образования главенствующая роль принадлежала Декрету ВЦИК от 16.10.1918 г. «О единой трудовой школе РСФСР» [3], по которому предусматривалось обязательное обозначение российских школ термином «советские», отменялось прежнее разделение школ, существовавшее в царской России. Вместо этого вводилась 2-ступенчатая советская единая трудовая школа (8–13 лет и 13–17 лет соответственно). Обучение в ней становилось обязательным для всех детей школьного возраста. Особо необходимо отметить, что все учебные заведения передавались в ведение Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса), организовавшего жесткий и практически тотальный контроль над всей системой образования страны.

При этом следует обратить особое внимание на то, что термин «советская» был декларацией намерений формирования абсолютно новой системы образования, о чем свидетельствуют первые официальные документы Наркомпроса. Таким образом, на протяжении первой половины 1920-х гг. состоялось определение и формирование схемы советского образования путем коренной реорганизации дореволюционной структуры, а сама система образования находилась в стадии становления новой педагогической схемы.

До начала 20-х гг. реализация данного декрета затруднялась экономико-политической ситуацией, связанной с тяготами Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Реальная модернизация началась фактически в самом конце 1920 г., когда в основном завершилась Гражданская война и окончательно утвердилась Советская власть в ее большевистской интерпретации. Первоочередной задачей начального этапа модернизации было устранение «старой царской школьной системы» – классических гимназий, университетов, училищ и духовных учебных заведений. Абсолютное разрушение старой российской школы и формирование новой системы образования – характерная черта того времени и явный признак большевистской модернизации.

Переход школьных учреждений на финансирование из местных бюджетов вызвало значительное снижение уровня оплаты учительского

труда, что привело к уходу из школы многих высококвалифицированных педагогов. С другой стороны, возрождение кооперации и частного предпринимательства переориентировали систему материальных и духовных ценностей многих учителей: они стали учредителями кооперативных обществ, фирм, частных издательств, редакторами различных периодических изданий.

Также многие бывшие учителя перешли на работу в партийные и советские органы власти, составив там наиболее работоспособное ядро в силу своей высокой квалификации [4, с. 126]. В связи с этим в школах Сибири в начале 1922 г. из оставшихся 15 тысяч школьных педагогов только у 5 % имелось высшее образование, у 35 % – среднее образование. Остальные имели только начальное или домашнее образование. В целом по Сибири к началу 1923 г. численность преподавательского состава общеобразовательной школы сократилась до 9,7 тыс. человек.

Однако ситуация начала значительно меняться с 1923 г., когда началось активное восстановление разрушенной гражданской войной и иностранной военной интервенцией экономики. Выросла доля расходов местных провинциальных бюджетов на образование и культуру, начали повсеместно привлекаться материальные средства состоятельной части населения страны. Как следствие этого, за период 1927–1929 гг. в Сибири, в сравнении с 1922–1923 гг., количество общеобразовательных школ возросло более чем вдвое, а количество школьников выросло на 135 % [5].

Благодаря расширению сети общеобразовательных учреждений в конце эпохи НЭПа, а именно в 1928/29 учебном году, в школах обучалось уже почти 70 % всех детей Сибири. В 1927/28 учебном году в Сибирском крае количество учащихся начальной школы составляло около 620 тыс. детей. В следующем учебном году их количество удвоилось. Таким образом, начальное образование полным ходом приближалось к всеобщему.

В 1928/29 учебном году впервые в Сибири, сначала в Омске и Анжеро-Судженске, а в 1929/30 учебном году и в Новосибирске, было введено всеобщее начальное обучение. В то же время всеобщим начальным образованием было решено обеспечить почти 450 тыс. так называемых «переростков» – подростков 11–15 лет.

Причем указанные инициативы были обеспечены соответствующим государственным финансированием. Так, если в 1926/27 учебном году в Сибири затраты на образование составили порядка 20 млн руб., то к 1929 г. они выросли более чем в 6 раз. При этом более половины затрат приходилось на содержание начальной школы.

Со второй половины 1920-х гг. преподавательские кадры для общеобразовательных школ Сибирского региона готовили в 18 педагогических техникумах, а также на педагогическом факультете Иркутского университета. В результате этого за 1925–1928 гг. численность препода-

вательского состава общеобразовательной школы в Сибири увеличилась в 1,7 раза, составив более 17,5 тыс. человек. Из них к 1928 г. около 65 % работало на селе (в 1925 г. – менее половины). В период 1927–1928 гг. школьные педагоги, имевшие высшее и среднее образование, составляли уже 76,5 %, а их заработная плата увеличилась в сравнении с периодом 1924–1925 гг. почти вдвое [6].

К середине 1920-х гг. полную модернизацию претерпели также содержание и методика обучения в школе. Это произошло благодаря утвержденным в 1923 г. новым программам, предполагавшим не изучение отдельных предметов, а «комплексный метод» – изучение обширных комплексных тем и постижение конкретных дисциплин посредством «исследовательских приемов».

Не меньший интерес в условиях модернизации системы образования Сибирского края вызывает введенная в 1923 г. на XII съезде РКП(б) политика коренизации, главная задача которой состояла в содействии изучению, прежде всего, коммунистической теории и практики на родных для народных масс языках.

В целом политика коренизации имела определенные признаки (и многими, особенно в провинции, так и воспринималась) содействия развитию подавляемых ранее национальных культур. Несмотря на признание Л.Д. Троцкого в 1923 г., что «было бы легче строить социализм, если бы не было... разнообразия языков национальных культур» [7, с. 68], советская власть хорошо понимала, что прямолинейная пропаганда идеи «слияния наций» на деле приводит к обратному результату. Поэтому главной опасностью в национальном вопросе был задекларирован русский великодержавный шовинизм, но не как таковой вообще, а как источник для «местного национализма».

В связи с этим широкое распространение в Сибири получили национальные школы для детей, не владеющих русским языком. Их стали обучать на родном языке, для чего даже создавалась письменность для тех народов, которые не имели ее ранее.

Причем первостепенные усилия направлялись именно на обучение детей коренного населения Сибири. Для решения поставленной цели, кроме национальных школ, которые располагались в местах компактного проживания коренных народов, функционировали так называемые кочевые школы, а также интернаты. Так, в 1926 г. в Сибири работало уже 660 национальных школ, что составляло в районах компактного проживания коренных народов более половины от общего количества школ. Одновременно в Сибирском крае были организованы и внедрены двуязычные школы [8].

Обучение педагогических кадров для национальных школ началось с открытия в Якутске педагогического техникума в 1921 г. В 1923 г. был открыт Сибирский татарский педагогический техникум в г. Томске, а в

1924 г. – два педагогических техникума для подготовки национальных кадров в Бурят-Монголии. При Минусинском педагогическом техникуме постоянно функционировало хакасское отделение.

Политикой коренизации в области образования советская власть старалась повысить свой авторитет среди местного населения и одновременно ускоренными темпами создать предпосылки для перехода к индустриальному обществу.

НЭП, как глобальный модернизационный шаг В.И. Ленина, после неудачной попытки ввести коммунистический уклад военно-силовыми методами потребовал от образовательных учреждений подготовки специалистов самых разнообразных профессий. Так, возникла настоятельная потребность формирования системы профессионального образования – ее задача состояла в подготовке квалифицированной рабочей силы для различных отраслей народного хозяйства и государственного социалистического строительства [9, с. 70].

При этом основной социальной группой, на которую, как известно, старались опереться большевики, был индустриальный городской пролетариат. Его численность с конца XIX в. стремительно увеличивалась. На очереди дня стояла задача перехода к индустриальному обществу, которое требовало все большей образованности народных масс. Американский ученый Е. Тоффлер, анализируя закономерности и особенности перехода от аграрного («Первая Волна») до индустриального («Вторая Волна») общества, пришел к выводу, что: «Революция 1917 года... велась не за коммунизм, как кажется на первый взгляд, а, опять же, за внедрение индустриализации» [10, с. 31].

Такое понимание значения образования составляло неотъемлемую часть большевистской парадигмы, поскольку большевики именно за стремительным развитием промышленности видели как экономическое, так и общественное будущее своей страны и своей партии. Исходя из такого подхода в Сибири с 1926 г. в городах создаются фабрично-заводские семилетки (ФЗС), программы которых соответствовали сфере деятельности того промышленного предприятия, в окрестностях которого они функционировали.

«Советизация высшей школы» – словосочетание, которое возникло в 1922 г. вследствие коренного разрушения прежнего университетского и институтского образования царской России и означало внедрение основных большевистских принципов модернизации всей системы высшего образования страны.

Дореволюционные учительские институты в 1919 г. стали педагогическими, а в 1920–1921 гг. их превратили в институты народного образования (ИНО). Однако многие из них оказались недолговечными. Так, Читинский ИНО в 1923 г. вошел в состав Дальневосточного университета, а некоторые были преобразованы в средние профессиональные

учебные заведения. В 1923 г. в Сибири осталось только 6 вузов: университеты в Томске и Иркутске, Сибирский сельскохозяйственный и лесоводческий институт, Томский технологический институт, Омские Ветеринарный и Медицинский институты.

Активная советизация высшей школы, ликвидация всех остатков автономии и самостоятельности, оказалась для профессорско-преподавательского состава неожиданной, а ее организационные и особенно концептуальные основы преподаватели поначалу просто не воспринимали. Их материальное положение было крайне низким, а зарплата в условиях экономического кризиса и разрухи всегда свидетельствовала об уровне работоспособности и занятости бывших царских профессоров и преподавателей, привыкших к определенным привилегиям и достойным условиям жизни. Вместо материальных благ государство ввело для них звание «заслуженный профессор» и персональные пенсии за выслугу лет (25 лет научной работы или 10 лет преподавательской работы с достижением пенсионного возраста – 65 лет). Таким образом, социальная забота государства о его интеллектуальной элите оставалась чисто декларативной.

Политические чистки и большевистский террор стали неотъемлемым и ключевым методом «советизации» интеллигенции во всех научно-педагогических учреждениях. Так, в результате укрепления советской власти после Гражданской войны из сибирской высшей школы были уволены все преподаватели, которые, по мнению большевиков, сотрудничали с контрреволюционными режимами и поэтому являлись неблагонадежными и инакомыслящими. К примеру, в Томском университете такое поголовное увольнение профессоров-юристов только за то, что они в чем-то были не согласны с действиями советской власти, в итоге привело к закрытию всего юридического факультета [11].

Итак, главная забота большевистского правительства состояла в том, чтобы при проведении реформы высшей школы претворить в жизнь программные требования правящей партии об идеологизации вузов. Поэтому приоритетной задачей являлось укрепление вузовских партиячек новыми коммунистами из числа студентов и преподавателей. Руководитель Наркомпроса А.В. Луначарский постоянно подчеркивал, что «мы создаем учреждения, в которых доминировать будут студенты-коммунисты» [12].

Политизация, а точнее коммунизация педагогических коллективов путем принятия в ВКП(б) и ВЛКСМ молодых педагогов и выдвижения их на руководящие посты, социальные чистки составляли арсенал методов, средств и факторов «советизации» учебно-воспитательного процесса и высшей школы вообще. Так, с 1922 г. в сибирских вузах получил широкую практику набор абитуриентов по путевкам от партийных и комсомольских органов. К примеру, в Томском университете в первой половине 1920-х гг. по таким направлениям училась почти половина от общего количества студентов. С 1924 г. требования к поступлению в вузы

снова ужесточились, тем не менее, классовый подход только усилился [13, с. 120].

Необходимо отметить, что особенно остро в Сибири, как и во всей стране, стояла проблема трудоустройства молодежи, прежде всего сельской. Именно нетрудоустроенная молодежь составляла основной костяк всех стихийных митингов, демонстраций, часто проходивших под антисоветскими лозунгами и заканчивавшихся погромами государственных учреждений. Ее необходимо было чем-то занять, отвлечь от нерешенных социальных проблем. Для этого как нельзя кстати подходило обучение ее самой активной части в вузах и училищах.

В Сибири в 1920–1930-е гг. молодые люди в возрасте до 25 лет составляли более 80 % всех жителей региона. Как подчеркивали все социологические исследования того времени, молодежь традиционно жаждала «знаний и гулянки». Активно внедряемое государством освобождение от религиозной «сивухи» компенсировалось сивухой традиционной, в виде самогона. Причем его стали употреблять не как раньше по праздникам, а постоянно: по всякому поводу и без него, мужчины и отстающие от них женщины. Масштабы пьянства среди молодежи в Сибири приняли в первой половине 1920-х гг. гигантский характер. «Бога нет» – можно делать что хочешь. Огромный размах получили грабежи, убийства, бандитизм, проституция, вымогательства и другие пороки «свободного мира».

Поэтому государственные структуры постоянно оказывали помощь студентам, особенно из рабочих и крестьян, в получении ими необходимых знаний и овладении соответствующей профессией. Так, в начале января 1925 г. Красноярский городской совет постановил провести с 3 по 10 января «Неделю помощи студенчеству». В эти дни на все билеты, продаваемые клубами «Красный Октябрь», имени А.И. Рыкова, клубом Железнодорожников, имени Карла Либкнехта, домом Просвещения, 1-м и 2-м театрами, кинематографами «АРС» и «Лотто», производилась наценка в 5 копеек. Все собранные таким образом деньги предполагалось передать Губернскому студенческому бюро. Об этом сообщила газета «Красноярский рабочий» 4 января 1925 г. [14, С. 134].

Для ускоренной подготовки выходцев из рабоче-крестьянской молодежи к поступлению в вузы Наркомпросом стали создаваться специальные подготовительные курсы. Однако такие курсы в целом не могли решить проблемы широкой подготовки выходцев из пролетарской и крестьянской среды (молодых людей, в основном малограмотных) к поступлению в высшие учебные заведения. В короткий срок приобрести требуемые знания могла лишь незначительная часть советской рабоче-крестьянской молодежи.

Таким образом, советская система школьного образования, учитывая ее преимущества и изъяны, была ориентирована, прежде всего, на удовлетворение потребностей советского государства, на внедрение большевистской модели социализма. Имея сравнительно мощный научно-педагогический потенциал, она взяла на себя непосильные задачи (об-

щее начальное образование детей, ликвидация неграмотности, культурный рост населения), которые требовали серьезной организационной и материально-финансовой базы. Большевицкая модернизация коснулась структурных и функциональных принципов российского образования, не ограничиваясь лишь изменениями организационных форм и схем.

Литература

1. *Бакшеев А.И.* Анализ проблем определения функций государства в период НЭПа // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А.С.Пушкина. – 2013. – № 3. – Т. 4. История. – С. 102–110.
2. *Бакшеев А.И.* Истоки и развитие советской культуры (октябрь 1917–1929 гг.) / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2005. – 144 с.
3. Об Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение): декрет ВЦИК от 16.10.1918. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm.
4. *Бакшеев А.И.* Проблемы функционирования советского государственного аппарата Сибири в первой половине 1920-х гг. // Вестн. Сиб. юрид. ин-та МВД России. – 2011. – № 1. – С. 123–131.
5. *Беликова А.П.* Основные тенденции развития содержания школьного образования в Сибири в период двадцатых годов (1920–1931 гг.). – М.: Прометей, 1992. – 120 с.
6. *Лукиева Е.Б.* Некоторые вопросы создания системы подготовки национальных педагогических кадров в Западной Сибири в 20-е годы // Вестн. ТГПУ. – 2000. – Вып. 4. – С. 11–15.
7. *Троцкий Л.* Мысли о партии // Задачи XII съезда РКП. – М., 1923.
8. *Степанова Е.Б.* Школа национальных меньшинств Западной Сибири в 20-е годы // Мат-лы межрегионального совещания по проблемам развития культуры малочисленных народов Севера. – Томск, 1996. – С. 178–192.
9. *Бакшеев А.И.* К вопросу о теоретических основах советской государственности (исторический аспект) // Вестн. КрасГАУ. – 2006. – № 6. – С. 68–73.
10. *Тоффлер Э.* Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – 261 с.
11. *Боженко Л.И.* К истории восстановления юридического факультета Томского университета (конец XIX – начало 50-х гг. XX в.) // Историческая наука на рубеже веков. – Томск, 1999. – Т. 3. – С. 190–195.
12. Красная газета. – 1924. – 6 мая.
13. *Бакшеев А.И.* Опыт и проблемы взаимоотношений советов и партийных организаций Восточной Сибири (1921–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Иркут. гос. ун-т. – Иркутск, 1992. – 232 с.
14. *Рогачев А.Г.* История Красноярского края с древнейших времен до современности: культура, экономика, быт, право и особенности управления: учеб. пособие / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2015. – 180 с.

Literatura

1. *Baksheev A.I.* Analiz problem opredelenija funkcij gosudarstva v period NJePa // Vestn. Leningrad. gos. un-ta im. A.S. Pushkina. – 2013. – № 3. – T. 4. Istorija. – S. 102–110.
2. *Baksheev A.I.* Istoki i razvitie sovetskoj kul'tury (oktjabr' 1917–1929 gg.) / Krasnojarsk. gos. un-t. – Krasnojarsk, 2005. – 144 s.
3. Ob Edinoj Trudovoj Shkole Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki (Polozhenie): dekret VCIK ot 16.10.1918. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm.
4. *Baksheev A.I.* Problemy funkcionirovanija sovetskogo gosudarstvennogo apparata Sibiri v pervoj polovine 1920-h gg. // Vestn. Sib. jurid. in-ta MVD Rossii. – 2011. – № 1. – S. 123–131.
5. *Belikova A.P.* Osnovnye tendencii razvitija sodержanija shkol'nogo obrazovanija v Sibiri v period dvadcatyh godov (1920–1931 gg.). – M.: Prometej, 1992. – 120 s.
6. *Lukieva E.B.* Nekotorye voprosy sozdanija sistemy podgotovki nacional'nyh pedagogicheskikh kadrov v Zapadnoj Sibiri v 20-e gody // Vestn. TGPU. – 2000. – Vyp. 4. – S. 11–15.
7. *Trockij L.* Mysli o partii // Zadachi III s#ezda RKP. – M., 1923.
8. *Stepanova E.B.* Shkola nacional'nyh men'shinstv Zapadnoj Sibiri v 20-e gody // Mat-ly mezhregional'nogo soveshhanija po problemam razvitija kul'tury malochislennyh narodov Severa. – Tomsk, 1996. – S. 178–192.
9. *Baksheev A.I.* K voprosu o teoreticheskix osnovah sovetskoj gosudarstvennosti (istoricheskij aspekt) // Vestn. KrasGAU. – 2006. – № 6. – S. 68–73.
10. *Toffler Je.* Tret'ja volna. – M.: Izdatet'stvo ACT, 2004. – 261 s.
11. *Bozhenko L.I.* K istorii vosstanovlenija juridicheskogo fakul'teta Tomskogo universiteta (konec XIX – nachalo 50-h gg. XX v.) // Istoricheskaja nauka na rubezhe vekov. – Tomsk, 1999. – T. 3. – S. 190–195.
12. Krasnaja gazeta. – 1924. – 6 maja.
13. *Baksheev A.I.* Opyt i problemy vzaimootnoshenij sovetov i partijnyh organizacij Vostochnoj Sibiri (1921–1925 gg.): dis. ... kand. ist. nauk / Irkut. gos. un-t. – Irkutsk, 1992. – 232 s.
14. *Rogachev A.G.* Istorija Krasnojarskogo kraja s drevnejshih vremen do sovremennosti: kul'tura, jekonomika, byt, pravo i osobennosti upravlenija: ucheb. Posobie / Krasnojarsk. gos. agrar. un-t. – Krasnojarsk, 2015. – 180 s.

